Вольфганг
Акунов

ОСВОБОЖДЕНИЕ ГРОБА ГОСПОДНЯ

УДК 94(100)"10"
ББК 63.3(0)4
А 442

Акунов В. В.

А 442 Освобождение Гроба Господня / В. В. Акунов. – СПб.: Алетейя, 2025. – 308 с. : ил. – (Документы и материалы древней и новой истории Суверенного Военного ордена Иерусалимского храма).

ISBN 978-5-00267-054-3

Настоящее повествование посвящено одному из главных событий Средневековья – Первому «вооруженному паломничеству», или «Крестовому походу» (как его назвали впоследствии), то есть – первой из многочисленных попыток западноевропейских (по преимуществу) христиан отвоевать у «агарян», «измаильтян» или «сарацин» завоеванные теми исконные христианские земли Ближнего Востока – прежде всего «Святую Землю», или «Землю Воплощения (Господа Иисуса Христа)» – Палестину и Сирию. У этого важнейшего события Средневековья была и своя долгая предыстория, подспудно подводившая миры Христианства и Ислама к грандиозному столкновению и, в результате, к взаимному обогащению в самых разных сферах и планах.

Решающую роль в крестоносном движении сыграло сословие рыцарей, объединившихся со временем в военно-духовные ордены, известнейшим из которых стал Орден бедных соратников (рыцарей) Христа и Храма Соломонова.

УДК 94(100)"10"
ББК 63.3(0)4

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

© В. В. Акунов, 2025
© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 7

Раздел I. УВЕРТЮРА 15

Глава первая. Рога Клермона 17
1. Папа Урбан II — мастер тайных интриг и уловок 17
2. «...чтобы место гроба Господня было славно...» 24
3. «Крестоносец первого призыва» 31
4. Из «Франкистана» — в Иерусалим под колокольный звон. 34
5. Провансальцы, норманны, лотарингцы 38
6. Нищенствующие монахи и «маленькие люди» 45
7. Ловец душ человеческих верхом на осле (или муле) 47
8. Армия в лохмотьях 50

Раздел II. «ПРЕДЫСТОРИЯ» КРЕСТОВЫХ ПОХОДОВ 55

Глава вторая. Церковь воинствующая 56
1. «Грандиозный акт повального безумия» 57
2. Война справедливая и несправедливая 58
3. «Восстань же, воин Христов!» 64
4. Норманны — супостаты и вассалы римских пап 68
5. Священная война в Испании 71
6. Несостоявшийся Крестовый поход папы Григория 75
7. Актуализированные и полемически заостренные идеи блаженного Августина 81
8. Меч святого Петра 83

Глава третья. ВОИНЫ ХРИСТОВЫ 85
1. Мир как сплошное поле боя 85
2. Успехи движения за «Божий мир» 90
3. Семь обязанностей христианского рыцаря 95
4. Святая царица Елена и Святой Град Иерусалим 101

5. Центр мирового паломничества 104
6. Неутомимая Клюнийская организация 108
7. Иерусалим — «пуп Земли» и конец света 110
8. Идея «вооруженного паломничества» 115
9. Вексель на загробное блаженство 118
10. Овцы, быки и собаки — трехклассовая теория Средневековья 123
11. Голод, нужда и апокалиптические страхи 126
12. Муки «вечного огня» 129
13. Враждующие братья и лишние едоки 134
14. Жажда приключений и тяга к перемене мест 139
15. Образец искусства прикладной психологии 142
16. Историческая заслуга Урбана II 146

Глава четвертая. ЗОНА НАПРЯЖЕННОСТИ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ 148
1. После победы — Собор в Царьграде 148
2. Мухаммед — секретарь богатой вдовы Хадиджи 152
3. Видения мечтательного караванщика 154
4. Благовония, женщины и усердные молитвы 157
5. Пять Столпов Ислама 159
6. Арабская экспансия 163
7. Средиземное море — центр древнехристианского мира 168
8. От Римской империи — к Ромейской василии 170
9. Убийства, интриги, духовный расцвет 174
9. Империя между Востоком и Западом 177
10. От монофизитства — к цезарепапизму 180
11. Римские папы и иконоборчество 183
12. Окончательный раскол Христианской Церкви в 1054 году 185
13. Мольба василевса Алексея о помощи и Пьяченцский собор 188
14. Целью был не Иерусалим, а Константинополь 191
15. Потоп, прорвавший все плотины 193

Раздел III. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД 195

Глава пятая. Крестовый поход Пустынника 196
1. Сребреники от «богоубийц» 196
2. Резня иудеев на Рейне 198
3. Кровавый финал на Дунае 201
4. Рыцарь Вальтер Голяк и его «голяки» 202
5. Прощение грехов «воинству оборванцев» 204
6. Через Босфор — в Никомидию 207

7. Муки жажды в Ксеригордоне 210
8. Разгром «паломников» под Цивитотом 213
9. Итоги катастрофы 215

Глава шестая. ЗОЛОТЫЕ ОСЛЫ НА ЗОЛОТОМ РОГЕ 218
1. Неисчислимая армада, а не армия 218
2. Под стягом святого Петра 220
3. Побои папского легата 222
4. Тревоги самодержца «Византии» 224
5. Прекращение снабжения воинства Готфрида Бульонского 229
6. Клятвы верности, братские поцелуи, лукулловы пиры 233
7. Невежа-«франк» на троне василевса 237

Глава седьмая. ПАЛОМНИЧЕСТВО РЫЦАРЕЙ 238
1. Капитуляция Никеи 239
2. Дорилейская победа и неисчислимая добыча 242
3. Раскаленные пустыни, «дьявольские горы» 245
4. Ратные потехи 248
5. Военная хитрость Боэмунда 253
6. Голод в Антиохии 258
7. Раскопки под храмом святого Петра 262
8. Разгром «аскара» Кербоги 265
9. Бои местного значения, видения и мятежи 267
10. Испытание огнем в Страстную пятницу и вифлеемские колокола 272
11. Осадные башни у стен Святого Града 277
12. Общий штурм после Крестного хода 280
13. Иерусалимская резня 283

Глава восьмая. ГОД ГОТФРИДА 285
1. Светское королевство или церковное государство? 285
2. Победа «воинов Креста» в сражении при Аскалоне 289
3. Рождество 1099 года — празднество величайшего политического значения 292
4. Дань и дары грозному «франку» 296
5. Недуг и кончина Заступника Гроба Господня 299

Хронологическая таблица 302

Светлой памяти моей жены Валерии

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Например, Крестовые походы
для освобождения Гроба Господня
явно были ложной тенденцией;
однако, постоянно ослабляя турок,
они помешали им стать владыками
Европы, что уже хорошо.»

Иоганн Петер Эккерман.
«Разговоры с Гёте в последние
годы его жизни»

«Короче говоря, причины в истории
не более, чем где бы то ни было, не
постулируются. Мы ищем...»

Марк Блок.
«Апология истории
или профессия историка»

Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа!

Настоящее правдивое повествование посвящено одному из главных, на взгляд его автора, событий Средневековья — Первому «вооруженному паломничеству», или «Крестовому походу» (как его назвали впоследствии), то есть — первой из многочисленных попыток западноевропейских (по преимуществу) христиан отвоевать у «агарян»*, «измаильтян»** или

---

* «Агаряне» — потомки Агари (по-арабски — Хаджар), наложницы «отца-основателя» авраамических (монотеистических) религий патриарха Авраама (по-арабски — Ибрагима), родившей ему сына Измаила (Исмаила) — прародителя арабов.

** «Измаильтяне» («исмаильтяне») — потомки Измаила (Исмаила),

«сарацин»* (а говоря по-нашему — «муслимов»-мусульман) завоеванные теми ранее исконные христианские земли Ближнего Востока — прежде всего «Святую Землю», или «Землю Воплощения (Господа Иисуса Христа)» — Палестину и Сирию, избавив тем самым мир от «магометанской чумы» (как «нетолерантно» и «неполиткорректно» называли в те далекие времена в Христианской среде приверженцев «Магомета» — пророка Мухаммеда, основателя мусульманской религии — Ислама, о котором будет подробней рассказано далее).

Ни для кого не секрет, что эти попытки европейских «троебожников» или «многобожников» (с точки зрения монотеистов-мусульман, не признававших веры христиан в Троического Бога), несмотря на неисчислимые жертвы и пролитые ими реки крови (как своей, так и чужой), невзирая на достигнутые «вооруженными паломниками» с христианского Запада первоначальные — и немалые — успехи, в итоге завершились полной неудачей (если не сказать — провалом). Вследствие чего эти «вооруженные паломничества» в Иерусалим — место, где жил и проповедовал в человеческом образе Сам Господь Бог (выражаясь словами немецкого миннезингера** Вальтера фон дер Фогельвейде), приобрели дурную репутацию, ибо никто в этом мире никогда не любил и не любит неудачников. Немало историков относится к Крестовым походам христианских рыцарей (да и не только рыцарей) с нескрываемым скепсисом, иные — даже с антипатией и отвращением, или, во всяком случае, внутренне явно дистанцируясь от них и их

сына Ибрагима (не путать с измаилитами-исмаилитами (приверженцами одной из исламских ересей).

* «Сарацины» (саракины) — «восточные люди» (от арабского «шарк» — «восток») — кочевое племя арабов-бедуинов, издавна жившее вдоль границ Сирии. После возникновения в арабской среде новой религии — ислама — христиане стали называть всех арабов (а порой — и всех приверженцев ислама) «сарацинами» (на Руси — «сорочинами»; отсюда древнерусское название риса — «сорочинское пшено»).

** Миннезингеры — средневековые немецкие поэты, воспевавшие преимущественно возвышенную, куртуазную любовь (нем. Minne) рыцаря (кавалера) к даме своего сердца. Германский аналог «романских» менестрелей, в частности, французских труверов и провансальских трубадуров.

участников. В среде критиков «вооруженных паломничеств» эти внешнеполитические акции «коллективного Запада» считаются «безответственными авантюрами», «неразумными со всех точек зрения предприятиями», «кровавым умопомешательством», «уродливыми проявлениями повального религиозного безумия», принесшими миру «неизмеримые страдания», «трагическими и разрушительным эпизодом в истории человечества», «последним варварским вторжением в цивилизованный мир», одним словом — пугающим в своей иррациональности и крайне сомнительным в моральном плане эксцессом, вписавшим одну из наиболее позорных и бесславных глав в историю Христианства (так что блаженной памяти папа* римский Иоанн Павел II — «наместник Бога на земле», «вице-Христос» и прочая и прочая и прочая — даже соизволил принести «Urbi et orbi» — «Граду и миру» — свои глубочайшие извинения, за целый ряд «исторических прегрешений» возглавляемой им римско-католической Церкви, включая и Крестовые походы).

Но даже самые рьяные критики «вооруженных паломничеств» (а ведь уже давно, начиная с эпохи Просвещения, стало не только модным, но и чем-то совершенно естественным решительно и безоговорочно осуждать Крестовые походы с высоты самочинно присвоенной себе «просвещенной» точки зрения), пусть и нехотя, но были вынуждены признавать, что лежавший в их основе неудержимый всплеск или даже взрыв религиозных чувств «нечаянно-негаданно выпустил на волю могучие силы». Что «вооруженные паломничества» основательно изменили карту Восточного Средиземноморья, приведя к резкому смещению и изменению военно-политического баланса, ознаменовав собой начало новой эпохи в мировой истории. Они привели европейское Христианство в состояние невероятного смятения, заставив его ощутить нечто вроде «чувства коллективного стыда», и тем самым вселили в него целительную, сохранившуюся и по истечении эпохи Средне-

* Папа (от греческого слова «папас» — «отец») — почетный титул епископа города Рима, ставшего со временем главой западной Христианской Церкви.

вековья, творческую неуспокоенность — залог дальнейшего прогресса.

Однако и сама по себе история «вооруженных паломничеств» исполнена мощного внутреннего и внешнего драматизма. Битвы, осады, грабительские набеги, политические интриги, шедевры публицистики и историографии, официальные визиты, эпидемические вспышки массового психоза, кровавые «скандалы в благородных семействах», торговые предприятия и колонизационные эксперименты «франков» (как называли строгие единобожники-«сарацины» пришедших с Христианского Запада «многобожников», веровавших в Бога-Троицу) на протяжении длительного времени сливались в единое целое, продемонстрировав в своей совокупности, как современникам, так и потомкам, включая нас с вами, уважаемые читатели, людей гуманного, просвещенного и толерантного XXI века, интереснейшую, увлекательнейшую «человеческую комедию» Средневековья, более фантастическую во всех своих аспектах, чем когда-либо смогла вообразить себе и измыслить самая смелая человеческая фантазия.

Данное обстоятельство побуждало еще современников эпохи Крестовых походов оттачивать свое перо, описывая «вооруженные паломничества» — хотя, конечно, не «без гнева и пристрастия». Обуревавшая их жажда писательства пошла на пользу целым поколениям позднейших историков, живших после них. Позволяя этим «эпигонам» черпать материал из обильных средневековых источников. Ибо сообщения хронистов — современников событий в избытке содержали все, что придает историческим текстам вкус и цвет — подробные описания военных действий, портретно-точные характеристики главных действующих лиц, чувства и переживания вовлеченных в ход событий людей, пикантные анекдоты и закулисные сплетни. Позднейшим историкам почти не приходилось напрягать свою силу воображения, ибо они вполне могли обходиться обильным материалом, в переизбытке оставленным им в наследство свидетелями и очевидцами Крестовых походов. Однако этот переизбыток исторического материала в то же время таил (и продолжает таить доныне) в себе немалую

опасность. Ибо нельзя отрицать того факта, что многие историки «вооруженных паломничеств» поддались искушению принимать за чистую монету все, что было в свое время записано, хронистами крестоносных ратей исповедников веры в Триипостасного Бога — как правило — монахами, уже в силу своей принадлежности к «ангельскому чину»*, склонными, если не сказать — предрасположенными — видеть, воспринимать и изображать все происходящее в черно-белом цвете, без нюансов и без переходов.

Сложность задачи, заключающейся в тщательном отсеивании зерен от плевел, отделении правды от вымысла, сохраняет свою актуальность по сей день. И все же многочисленные современные критические исследования источников, а также несомненный прогресс в деле обнаружения и изучения в последние десятилетия все новых ромейских (восточно-римских, «византийских»), арабских, армянских хроник настолько расширили наши знания об интересующей нас эпохе и позволили нам узнать столько нового, что уже по одной этой причине попытка в очередной раз обратиться к освещению темы, на которую, казалось бы, кто только ни писал, представляется автору настоящего правдивого повествования «стоящей выделки овчинкой»..

Но дело еще и в другом. Современным историкам, или популяризаторам истории (к числу которых дерзает причислять себя автор настоящей книги), «вооруженные паломничества» представляются не только, так сказать, «с избытком» переполненной событиями средневековой «Илиадой», не только захватывающей, колоссальной по своим масштабам панорамой сражений и войн, но и заветным ключом к тайнам внутренней жизни их эпохи, к пониманию и осознанию мира, столь отличавшегося, во всех своих аспектах, от нашего. Мира, иначе структурированного, иначе организованного и вообще, подчиненного иным жизненным формам, принципам и представлениям. Мира, сердце и пульс которого бились иначе. Под этим углом зрения, Крестовые походы приобретают особо

* «Ангельским чином» называли монашество (особенно на Христианском Западе).

важное глубинно-историческое измерение — тот, кто хочет понять мир, дух и суть Средневековья, должен предварительно понять феномен Крестовых походов. Это глубинное измерение постоянно служило для историков и популяризаторов истории поводом, углубляться в изучение религиозно мотивированных походов «франков» в Землю Воплощения, уделяя при этом должное внимание не только описанию хода самих «вооруженных паломничеств» как таковых, но и выяснению их духовных, психологических и общественных причин и стимулов.

Были ли Крестовые походы романтическими авантюрами, напоенными эликсирами средневековых героических эпических сказаний? Были ли они инициированной римско-католической Церковью «войной за веру» и, тем самым, чем-то вроде ответной реакции Христианства на казавшееся безудержным победное шествие Ислама, поставившего к тому времени на край гибели православную Ромейскую василию (Восточную Римскую, или «Византийскую», империю, «Романию»), вынужденную, несмотря на церковный раскол — «схизму» — 1054 года — воззвать к отпавшим от нее в религиозном отношении западным «братьям во Христе» о помощи? Были ли они заблаговременно и методично подготовленной и осуществленной попыткой преодолеть последствия этой «схизмы», расколовшей единый дотоле Христианский мир, восстановив тем самым единую Римскую империю (всегда претендовавшую на статус вселенской, сиречь всемирной), по крайней мере, в сфере церковной жизни?* Были ли они отчаянной, кровавой увертюрой,

* Древний мир завещал Средневековью идею всемирной Римской монархии. После падения Западной Римской империи в 476 году идея «вечного Рима» не переставала жить в средневековом обществе. В глазах средневекового человека «вечный» Рим оставался «владыкой мира». В восточной части бывшей Римской империи («Византии») «Римом» считался ее стольный город Константинополь (Второй Рим, Новый Рим). Римский епископ-папа занял первенствующее положение в Христианском мире (особенно — на его Западе, хотя первоначально первенство римского папы признавали и на Востоке, в «Византии»). В 800 году папа римский короновал в Риме императорской короной франкского правителя Карла Великого из рода Карлоингов, провозгласив его «великим императором рим-

прелюдией к эпохе Великих географических открытий, ранним колониальным предприятием, проявлением военной и в то же время торгово-политической экспансии усилившейся к тому времени христианской Европы в поисках новых, заморских рынков? Или же они были всем этим, вместе взятым?

Как бы то ни было, Первый Крестовый поход представлял собой чрезвычайно сложный и многоплановый, многосторонний феномен, требующий не только четкого хронологического изложения, но также анализа и объяснения.

Автор настоящего правдивого повествования, разумеется, не претендует на исчерпывающее изучение проблемы, на окончательное прояснение остающихся открытыми многочисленных вопросов (на которые не смогли исчерпывающим образом ответить такие «суперзвезды» в сфере изучения Крестовых походов, как британец сэр Стивен Рансимен, француженка Режин Перну, француз Жак Ле Гофф, наш соотечественник Михаил Абрамович Заборов и многие, многие иные — «имя им легион»). Да и вряд ли кому-нибудь когда-нибудь удастся найти исчерпывающие ответы на эти вопросы. Тем не менее, следует лишний раз подчеркнуть, что Крестовые походы (пожалуй, в большей степени, чем какой-либо феномен мировой истории) наглядно демонстрирует нам, что Бог и дьявол близко соседствуют в человеческом сердце. Одновременно грабить и молиться, убивать и участвовать в Крестных ходах, душегубствовать и распевать псалмы, осуществлять массовый террор во имя некоей якобы высшей цели — все это заставляет нас содрогаться, глядя в зеркало собственной души. «Широк человек…Неплохо бы сузить»…

ским Карлом Августом». В 962 году папа Иоанн XII венчал короной Римской империи германского короля Оттона I Великого. Так папа римский формально восстановил на Западе Римскую империю, получившую впоследствии эпитет «Священной» и задуманную как продолжение древней римской и каролингской империи. «Римский» император Запада (а не папа римский) должен был стать наместником Божьим на земле в делах светских и защитником Церкви. «Римский» император мыслился как светский глава (Западно)Христианского мира, папа римский — как его духовный глава. Но со временем римский папа вступил в борьбу с «римским» императором за первенство в (Западно)Христианском мире.

Представляется небесполезным напомнить об этой сохраняющей свой непреходящий характер актуальности настоящей книги о крестоносной эпопее и ее участниках. Крестоносцы существовали во все времена. Этот человеческий тип попросту неистребим. Он существует поныне Нам, может быть, не помешает именно сейчас, когда в Земле Воплощения по-прежнему обильно льется человеческая кровь и горячие головы то и дело пытаются взывать к временам прежних религиозных конфликтов — прежде всего, между христианством и исламом — осознать и уяснить себе ужасную парадоксальность феномена крестоносца... Как, впрочем, и его противника...

* * *

Раздел I.

УВЕРТЮРА

На заметку уважаемым читателям.

Подобно тому, как сараевские выстрелы 1914 года стали прелюдией к четырехлетней кровавой бойне — Первой мировой войне — так прелюдией к эпохе Крестовых походов стали, по всей вероятности, звуки рогов, предваривших драматические события на Клермонском соборе римско-католической Церкви (отпавшей сорока четырьмя годами ранее от вселенской Православной, или греко-кафолической, Церкви с центром во «Втором (Новом) Риме» — Константинополе-Царьграде, столице Ромейской василии**), на котором ее глава — папа римский Урбан II — 27 ноября 1095 года призвал христиан европейского Запада к «священной» войне с «неверными» (мусульманами) и к отвоеванию у последних Святого Града Иерусалима. Поэтому тому, кто вознамерится взяться за написание истории «вооруженных паломничеств» в Святую Землю, не нужно тратить время и силы в поисках эффектного начала своего повествования. Клермон(т)ский собор, чья внутренняя напряженность продолжает ощущаться даже сейчас, по прошествии*

---

* Принятое у славян название «Второго (Нового) Рима» на Босфоре— Константинополя — «Царьград» — представляет собой перевод древнего латинского названия Первого (Ветхого) Рима на Тибре — «Urbs regia», то есть «царственный (царствующий) город», «город царей».

** Ромейская василия (Романия) — самоназвание грекоязычной Восточной Римской империи, названной в эпоху Возрождения «Византийской» (по исконному названию ее столицы Константинополя — Византий).

девяти с лишним столетий, будет воспроизведен в первой главе настоящего правдивого повествования, так сказать, крупными мазками. И это не случайно, ибо прозвучавший в Клермон(т)е призыв папы римского к Крестовому походу нашел широчайший и живейший отклик в сердцах его многочисленной паствы, ответившей на него единодушным восклицанием: «Так хочет Бог!». В первой главе будет также показано, как инициаторы первого «вооруженного паломничества» в Землю Воплощения — папа Урбан II и его церковные «паладины» — уже в первые месяцы после Клермонского собора не смогут удержать в узде воодушевленные ими массы и как тщательная подготовка и разработка планов войны христиан с мусульманами будет внезапно нарушена совершенно неожиданным, незапланированным образом. Как слишком рано, с точки зрения папы «и иже с ним», преждевременно, со всех точек зрения, соберется почти безоружная рать бедняков во главе с пустынником-отшельником Петром Амьенским, которые, ничуть не смущаясь своей почти нулевой боеспособностью, воодушевленные (подобно ратоборцам формирующихся у них в тылу, но еще не готовых к выступлению, пяти многочисленных рыцарских воинств) надеждой освободить иерусалимский Святой Живоносный Гроб Господень из-под ига «неверных» одним лишь Божьим произволением, почти не прибегая к силе оружия, двинутся в путь. И потому первая глава содержит немаловажную констатацию: «власти предержащие» христианского Запада оказались недостаточно могущественными для того, чтобы не допустить опасных спонтанных, стихийных выступлений бедноты. Таким образом, западная, римско-католическая Церковь всего через несколько месяцев после Клермонского собора оказалась в положении «ученика чародея», будучи не в силах усмирить и обуздать пробужденные ею же самой стихийные силы (или, если обратиться к мусульманскому, арабскому фольклору, «загнать джинна обратно в бутылку»)...*

* Паладины — верные слуги, соратники.

Глава первая.
РОГА КЛЕРМОНА

Церковный собор, положивший начало эпохе Крестовых походов.

Папа Урбан II — мастер тайных интриг и уловок — «...чтобы место гроба Господня было славно...» — «Крестоносец первого призыва» — Из «Франкистана» — в Иерусалим под колокольный звон — Провансальцы, норманны, лотарингцы — Нищенствующие монахи и «маленькие люди» — Ловец душ человеческих верхом на осле (или муле) — Армия в лохмотьях.

1. Папа Урбан II — мастер тайных интриг и уловок

Папское кресло было установлено не в здании городского собора, не способного вместить всех собравшихся послушать главу Западной Христианской Церкви, а в чистом поле у стен французского города Клермон(т)а (современного Клермон-Феррана). Вокруг кресла — «священного седалища» — теснилась многочисленная толпа. Архиепископы, епископы и аббаты. Благородные светские сеньоры-феодалы* в окружении

* Феодализм — строй, господствовавший в средневековых хозяйстве, обществе и государстве. Получив от своих государей поместья (аллоды, позднее — военные бенефиции, позднее — феоды) в награду за военную службу и под условием службы, военные люди сумели обратить их в свои наследственные владения, воздвигли в них укрепленные замки и стали мелкими почти независимыми государями, сохранив, однако, до известной степени зависимые, или вассальные, отношения к своим сеньорам-сюзеренам, от которых получили земельные пожалования. Создалась стройная политическая система — «феодальная лестница», в которой более крупные землевладельцы-феодалы (князья, герцоги, маркизы, графы, виконты) служили императору или королю, менее крупные (бароны) — более крупным, так что каждый феодал был вассалом вышестоящего и сеньором нижестоящего «собрата по классу». На самой нижней ступени «феодальной лестницы» стояли мелкие аристократы — рыцари (кавалеры); в то же время «рыцарями» именовались обобщенно и все феодалы в целом.

своих вассалов — рыцарей (кавалеров) и слуг. А также великое множество простолюдинов, добродетельных и не очень. Торговцы, ремесленники, крестьяне. Почтенные горожанки, наглые блудницы, просящие подаяния нищие, смеющиеся, плачущие и играющие дети. Странствующие проповедники, поющие паломники, молящиеся монахи.

Лишь немногим было известно о намерении папы Урбана II завершить Клермонский собор римско-католической Церкви публичным мероприятием (сегодня сказали бы — массовым митингом). Однако все ощущали серьезность, значимость, напряжение момента. Все были готовы к тому, чтобы услышать слова «вице-Христа», воспринять их и дать им увлечь себя на великие свершения.

Вплоть до этого дня созванные епископом Первого, Ветхого, италийского Рима на Тибре на совещание прелаты апостольской церкви христианского Запада заседали в епископском кафедральном соборе. Духовные сановники сошлись на совещание после торжественного богослужения 18 ноября 1095 года. Председательствовал на соборе, посвященном преимущественно вопросам повседневной внутренней церковной жизни, сам Его Святейшество папа, «наместник Бога на земле». В центре обсуждения, как уже нередко бывало и ранее, стоял вопрос запрета инвеституры (назначения, введения в должность) клириков (священнослужителей) мирянами (прежде всего, епископов — монархами). Были приняты решения, направленные против симонии (торговли церковными должностями), подтверждено требование целибата (безбрачия) духовенства, возобновлено отлучение от церкви короля-троеженца Филиппа I. Французского за осквернение таинства брака. А также многие другие вопросы текущей повестки дня.

Тщательно продуманный и подготовленный своими организаторами, Клермонский собор работал быстро и точно, приняв за менее чем неделю тридцать три канона. На вторник, 17 ноября, было назначено публичное заседание. Его единственным программным пунктом было обращение, призыв Верховного Пастыря всех христиан-католиков к собравшимся в Клермоне верующим.

Торжественное мероприятие состоялось в поле перед восточными воротами Клермона, возможно, на месте современной городской площади Пляс Делиль. Уже торжественно-размеренное (по всей вероятности, сопровождаемое пением рогов) появление на людях «князя апостолов» свидетельствовало о том, что собравшихся ожидало нечто большее, чем простое папское благословение. «Наместник Христа на Земле» предстал перед своей благоговейной паствой во главе нескольких сотен высокопоставленных князей римско-католической Церкви. Акты Клермонского собора перечисляют среди них, наряду со многими другими духовными владыками, кардинала-диакона Иоанна, кардинала и приора Ришара Марсельского, кардинала Бруно (или Брунона, являвшегося одновременно епископом Сеньи и ставшего впоследствии аббатом древнейшего на Христианском Западе монастыря Монте-Кассино), Адальберта — архиепископа Буржа, Дагоберта, или Даимберта — архиепископа Пизы, Рожера — архиепископа Реджо, а также Гийома — епископа Оранжа, Амала — епископа Бордо, и Адемара (или же Аймара) — епископа Пюи.

Коллегия, что и говорить, весьма внушительная и впечатляющая по своему составу, несмотря на присутствие в ее рядах лишь немногих представителей Испании, а также полное отсутствие представителей Англии и Германии. Принято считать, что в общей сложности в Клермонском соборе приняли участие не менее четырнадцати архиепископов, двухсот двадцати пяти епископов и более четырехсот аббатов (настоятелей монастырей) римско-католической Церкви.

Пятидесятитрехлетний папа римский Урбан II, впечатлял и даже подавлял всех собравшихся своим величием. Подобный лучезарному архангелу, сошедшему с небес, он, (думается, под звучное пение рогов), шествовал, с пастырским посохом в руке, во главе своих советников и духовных соратников, к своему креслу, напоминавшему монарший трон — величественный, высокорослый, бородатый господин, чьего рыцарского происхождения не скрывало даже парадное литургическое облачение.

Римский великий понтифик, «pontifex maximus» (этот чисто языческий титул верховного жреца — первосвященника — древнеримской религии был с течением времени принят епископами христианской общины Первого, Ветхого Рима-на-Тибре) Урбан II, в миру — граф Одо(н) де Лажери де Монтейль — грансеньор, выделявшийся своим высоким происхождением среди преемников святого Петра на папском престоле — был отпрыском знатнейшей и богатейшей старофранцузской фамилии, чьи родовые владения располагались в Шампани, близ Шалона-на-Марне (где в свое время римско-вестготское войско «последнего римлянина» Флавия Эция, или Аэция, разбило гуннско-остготские полчища Аттилы). Одо был учеником Бруно(на) Кельнского, основателя картезианского монашеского ордена. Впоследствии он стал настоятелем Реймсского собора (в котором издавна короновались французские короли), монахом и приором прославившегося своими реформами в сфере церковной жизни Клюнийского монастыря. В 1078 году, через год после триумфа над своим светским соперником — императором Священной Римской империи (так именовалась средневековая Германия с прилегающими землями) — папа римский Григорий VII возвел Одо в сан кардинала-епископа городов Остии и Веллетри. Войдя в число ближайших сподвижников папы Григория, Одо, в качестве легата (посланника) Латерана (тогдашней резиденции папского престола, каковой еще не стал Ватикан), успешно выполнил целый ряд важных дипломатических миссий. Он проявил немалое мужество и силу воли, будучи заключен в темницу «римским» императором (и одновременно — германским королем) Генрихом IV, враждовавшим с папой Григорием из-за спора об инвеституре. Предложенный самим Григорием VII себе в преемники, Одо (после непродолжительного интермеццо, в ходе которого тиару «князя апостолов» носил аббат древнейшей на Христианской Западе монашеской обители Монте-Кассино, ставший ненадолго папой Виктором III) был избран папой решением Террацинского конклава.

Церковные хронисты по сей день сохраняют по отношению к Урбану II, хотя и вежливую, но явно ощутимую дистанцию.

Они ставят римскому понтифику в упрек тот неприглядный факт, что он слишком часто «преследуя низкие интересы престижа и повышения финансовой доходности», пренебрегал стремлением к достижению «идеальных целей» своей высокой должности. Иными словами, сей Урбан II был не святым «не от мира сего», а вполне «сыном мира сего», и отнюдь не пренебрегал радостями этого «дольнего» мира. В сатирическом описании анонимного современника ему, к примеру, ставилось в вину чрезмерное пристрастие к изысканным и тонким винам своей родины. К тому же он поддерживал весьма тесные отношения не только с Богом, но и с «презренной мамоной*» (хотя в святом Евангелии устами Самого Иисуса сказано: «Не можете служить Богу и мамоне»). Так, разоткровенничавшийся Урбан якобы как-то признался дружескому кругу своих собутыльников, что ему будет нечего делать на этом свете, если он «откажется брать деньги у разбойников и безбожников». Именно по этой причине папа-жизнелюб смотрел сквозь пальцы на то, как тот или иной аббат или епископ получал свою доходную должность неподобающим образом, путем симонии** (то есть, приобретения ее за «презренный металл»).

Одним словом, этот папа римский родом из Шампани отнюдь не был вторым Григорием VII. Правда, он был искусным политиком и мудрым правителем, подобно Григорию, но не издавал слишком строгих указов. Урбан правил милостиво, мягко и терпимо, нисходя к слабостям детей Адамовых. Ему никогда бы не пришло в голову, в отличие от Григория VII, заставить римско-германского императора Генриха IV стоять перед своим замком на коленях, вымаливая прощение (что произошло в 1077 году у врат замка Каносса, где пребывал «великий понтифик»). Урбан II никогда не стремился унижать своих противников, тем более публично. Ему было вполне

* «Мамоной» в Евангелии именуется богатство.

** Понятие «симония» происходит от имени евангельского Симона Волхва (Мага) — чародея, проклятого святым Петром за попытку приобрести у апостолов за деньги дарованную им Господом Иисусом Христом Божественную благодать, включая способность исцелять больных изгонять из одержимых бесов (демонов, нечистых духов).

достаточно, заставить их выполнять свою волю (не стесняясь при этом в выборе средств).

Со временем папа римский Иннокентий III (годы понтификата: 1198–1216) почувствовал себя достаточно могущественным для того, чтобы сделать следующее заявление:

«Господь предал во власть Петра не только всю Церковь, но и весь мир». С той поры папы римские, как символ этой двойной, духовной и светской, власти, стали носить тиару с двойной короной.

Но уже при папе Григории VII этот процесс вступил в свою решающую фазу. Григорий, бывший монах бургундского Клюнийского монастыря, центра реформ, направленных на обновление и упорядочение Западной Церкви, призванный в Рим папой Львом IX, стремился к осуществлению идеи Царства Божьего на земле под руководством папы римского, требуя ото всех духовных и светских властей безусловного подчинения папе, как наместнику (викарию) Христову на земле. Его целью было устроение христианского сообщества таким образом, чтобы руководство им осуществляла только папская власть.

Сам папа Григорий VII формулировал свою мысль следующим образом: «Апостольская (папская — *В. А.*) власть подобна солнцу, а королевская власть — луне. Подобно тому, как луна светит отраженным светом солнца, так императоры, короли и князья властвуют лишь по воле папы, а папа — по воле Божьей. А посему власть папского престола неизмеримо больше власти тронов. Король ниже папы, подчинен ему и обязан ему послушанием, ибо папа наместник самого Бога по воле Божьей, и все подчинено ему».

В 1075 году по воле властного Григория VII был обнародован так называемый «Папский диктат» (лат. «dictatus papae»), содержавший двадцать статей, согласно которому только папе римскому принадлежало право назначения, смещения и перевода с одной кафедры на другую епископов, разрешения правовых споров, созыва церковных Соборов, суда и наложения на императора и князей церковных наказаний, освобождения подданных от присяги верности императору или князю

(в случае вступления таковых в конфликт с папской властью; последнее на языке папских декретов именовалось «неправедностью»!), возложение на императора короны и других знаков отличия. Именно согласно григорианскому «Диктату», никто не имел права судить папу, а все светские государи должны были целовать его башмак в знак того, что только папа римский является «наместником (заместителем) Иисуса Христа на Земле», или даже «Вице-Христом» (лат.: «Vice-Christus»)!

Согласно утверждениям папы Григория VII, все государи являются непосредственными вассалами апостольской кафедры (римской курии, или папского престола), из рук представителя которой получают на ленных началах княжеское, королевское и императорское право, принося папе римскому ленную присягу. Таким образом, монархическая власть лишалась всякого наследственного характера, и ни один император или король не был вправе передавать свою власть по наследству, если против этого возражала римская курия.

В отличие от папы Григория VII, принципиального, требовательного и беспощадного не только к другим, но и к самому себе и всецело подчинявшегося диктату своих же собственных принципов, Урбан II производил на своих современников впечатление довольно-таки беспринципного человека. Впрочем, позднейшие историки внесли в этот образ значительные корректуры. Нам, людям XXI века, девятьсот с лишним лет спустя, этот «мастер тайных уловок и бесчестных средств» представляется не только последовательным исполнителем завещания Григория VII, но и прямо-таки спасителем проводимой Григорием политики, которую он, в соответствии со своим более скрытным темпераментом, плодотворно и гибко продолжал, искусно применяясь к обстоятельствам. Ибо папа Урбан, как до него — папа Григорий, неуклонно защищал примат (первенство) юрисдикции и учения римского епископа (лат. «primatus papae») и подчинение всех мирских, светских властей верховной власти папы. Вся разница между ними заключалась в том, что Урбан делал это более прикровенно и осторожно, под «дымовой завесой» наигранного дружелюбия, любезности и отеческой снисходительности, тщательно

скрывавшей твердость и последовательность его всеохватной дипломатии. При всем прагматизме Урбана II, годы его понтификата свидетельствуют о политической прозорливости и дальновидности, тщательной планомерности, суверенном подходе этого «преемника святого Петра»*, а также четком улавливании им духовных и религиозных устремлений, чаяний и течений своего времени .

Правда, чрезмерно развитым чувством интуиции папа Урбан II, увы, не обладал. Холодный здравый смысл однозначно преобладал в его характере над способностью к молниеносным и гениальным прозрениям. Тем не менее, этот римский понтифик, как ни один из современных ему государственных и политических деятелей, владел искусством использовать механизмы массовой психологии и. находясь, как вот теперь в Клермоне, перед лицом возбужденной, бурлящей, кипящей, как в котле, многотысячной толпы, он проявлял недюжинный ораторский талант, позволявший ему мастерски переходить от тихого пиано к мощнейшему органному фортиссимо. Папа Урбан безошибочно улавливал скрытые побуждения аудитории и давал ей то, что она хотела от него услышать.

2. «...чтобы место гроба Господня было славно...»

Спустя примерно десять лет, по меньшей мере, четыре латинских хрониста записали речь папы Урбана II в чистом поле у ворот Клермона. Один из них, епископ Бальдерик Дольский (или Анжуйский), автор «Иерусалимской истории», особо подчеркивает, что лично был свидетелем ее произнесения перед многочисленным народным собранием. Фульшер (Фульхерий) Шартрский и Роберт Реймсский также пишут от этом событии так, как если бы сами при нем присутствовали. Третий хронист — Гвиберт, аббат монастыря святой Марии Ножанской, недвусмысленно дает понять, что его повествование

* Святой апостол Петр традиционно считается первым христианским епископом (папой) италийского Ветхого (Первого) Рима-на-Тибре.

основано на показаниях надежных свидетелей. Тем не менее, эти четыре хрониста в действительности воспроизводят, по сути дела, четыре разные речи. Каждый из них излагает как бы свой собственный вариант папского обращения, дистиллят собственного производства. Каждый из них, в соответствии со своими вкусами и предпочтениями, использовал в своем изложении искусство умолчания и дополнения.

Тем не менее, изо всех этих записанных «задним числом», ретроспективно, «стенограмм» папского воззвания явствует, что речь, произнесенная папой Урбаном в поле у ворот Клермона, была подлинным шедевром тогдашней публицистики, образцом искусства политической и религиозной пропаганды. Из всех четырех «стенограмм» папского обращения нетрудно выделить общую всем им суть, или «квинтэссенцию».

Согласно Бальдерику Дольскому, папа римский поначалу жаловался собравшимся перед его лицом единоверцам на многочисленные и тяжкие притеснения, которым «неверные» подвергают христиан в Святой Земле. Преисполненным гнева голосом папа указал на то, что множество христианских храмов превращено врагами имени Христова в стойла для скота или даже в мечети — мусульманские молельни (что, по его убеждению, было еще хуже). Красноречивый папа процитировал слова кроткого и добродетельного ветхозаветного царя-псалмопевца Давида: «Ты отдал нас в поношение соседям нашим, на посмеяние и поругание живущим вокруг нас» (к которым великий понтифик, думается, вполне мог бы добавить и слова святого пророка Божьего Даниила: «Мы умалены, Господи, более всех народов, и унижены ныне на всей земле за грехи наши»). Римский понтифик снова и снова говорил о горестях и страданиях верующих христиан в Земле Спасителя, о невероятной жестокости «неверных», нападающих из засады на благочестивых пилигримов-паломников, развернув перед собравшимися ярчайшую панораму невероятных злодеяний «неверных», страха и отчаяния восточных исповедников Христовой Веры, вселив гнев и ярость в сердца внимавших ему, затаив дыхание, потрясенных слушателей.